

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УРОКИ XX ВЕКА: КАК МЫ ИХ УСВАИВАЕМ?

Евгений Ямбург,
*директор 109 московского Центра образования,
член-корреспондент РАО*

Поразительно, как мы, имею в виду наш культурный слой в целом и педагогов в частности, не восприимчивы к урокам истории. Каждый раз, попадая в очередной исторический переплёт, оказываясь в положении витязя на распутье, мы заново «изобретаем велосипед», выдавая его за «мерседес», и при этом совершенно искренне недоумеваем, почему он движется с крайне низкой скоростью. Между тем, полный трагизма истекший век явил миру мыслителей и педагогов, преподавших нам такие профессиональные уроки, которые непременно стоило бы усвоить. Диалог с предшественниками — явление, укоренённое в культуре, но мало популярное у нас: каждый новый этап

в развитии образования (да и страны) мы начинаем как будто с чистого листа, без учёта тех решений, к которым мучительно приходили люди, сполна испившие горечь XX века.

Разговаривать с ними, советоваться по самым жгучим вопросам современной педагогики с некоторых пор стало для меня настоящей потребностью. Поверьте: от этих бесед подчас получаешь больше, нежели от общения с некоторыми современниками, захваченными злобой дня, скованными мифами, клише и штампами, которые с механической периодичностью воспроизводятся в общественном сознании. Неистребимый

утилитаризм мышления в сочетании с его добровольной теперь уже политической ангажированностью бросает школьный корабль из стороны в сторону.

Так, в начале 90-х годов мы сверх всякой меры превозносили общечеловеческие ценности, призывая строить на этом фундаменте воспитание, сегодня резким галсом разворачиваемся к национальным и патриотическим основам. На одной из лекций в профессиональной аудитории, где находились преимущественно преподаватели высшей школы, получил записку: «И всё-таки на каких ценностях сегодня мы должны строить воспитание граждан России: общечеловеческих или национально-патриотических?» В вопросе не было подвоха, лишь искреннее желание разобраться, по какому курсу плыть дальше, но так, чтобы вновь не сесть на очередную мель, не нарваться на новые рифы.

Только утратив способность за деревьями видеть лес, можно пытаться проводить прагматичную американизированную модернизацию образования, резко сокращая его гуманитарное наполнение (уменьшение учебных часов на изучение истории и литературы) и при этом усиливая патриотическую риторику и призывы к духовному возрождению нации.

Искушённые люди знают, что дьявол обычно протягивает две руки. Применительно к поставленному вопросу это выглядит так: не хочешь в полной мере вкусить прелести глобализма с его пошлой космополитической цивилизацией, принимай фундаментализм, но тогда будь

готов к откату в Средневековье. И наоборот: опасаясь рецидивов мракобесия — смиришься с секс-шопами и культом наслаждения. Но в том-то и дело, что и то, и другое — от лукавого. По такому замкнутому кругу можно бегать бесконечно.

В отечественной педагогике уже был человек, который давно, ещё в 20-е годы прошлого столетия, находясь в эмиграции, разорвал этот порочный круг. Имя его — Сергей Иосифович Гессен (1887–1950). Фило-

соф, культуролог, филолог, правовед и в первую очередь педагог — одним словом, энциклопедист, он нашёл ответы на многие коренные вопросы образования, смущающие сегодня наше воспалённое сознание.

Как это ему удалось? Благодаря масштабу личности. Душа христианина, мозг философа, мускулы культуры — таков портрет этого выдающегося человека, давшего нам уроки преодоления односторонности, в которую мы впадаем каждый раз, когда оказываемся на историческом перепутье или, как принято говорить сегодня, в очередной точке бифуркации. Прислушавшись к нему, мы освобождаемся из плена поверхностных суждений, преодолеваем укоренённую в Отечестве нашу поляризацию сознания, избавляемся от ложных оппозиций, избегаем опасности «заблудиться в трёх соснах» — мировоззрения, идеологии и пропаганды.

В сложной ситуации «усечения» гуманитарных дисциплин почётное право сводить концы с концами на практическом уровне предоставляется скромным рядовым учителям. Пока получается плохо.

Сложность восприятия уроков С.И. Гессена в том, что его глубоко выстраданные мысли высказаны в разных статьях и книгах, которые стали проникать в Россию лишь с начала 90-х годов прошлого века. Захваченные потоком бесконечных преобразований, векторы которых лихорадочно менялись, педагоги, за редким исключением, не имели сил и времени глубоко вникнуть в тексты философа и педагога русского зарубежья. Чтобы облегчить коллегам поиски ответов на многие волнующие вопросы, воспользуюсь старым, к сожалению, сегодня основательно забытым методом реферирования текстов классика педагогической мысли. Для чего постараюсь свести во едино по тематическому принципу его суждения, высказанные в разное время. В качестве источника использую наиболее

доступную сегодня педагогам книгу «Антология гуманной педагогики. Гессен. Издательский дом Шалвы Амонашвили. М., 2004.». Комментировать её в качестве первого читателя мне в своё время выпала честь. Обратившись к ней, любой заинтересованный читатель сможет проконтролировать автора реферата на предмет корректности выделения цитат из контекста и правомерности их монтажа в единые текстовые своды.

Итак...

Соотношение общечеловеческих и национальных ценностей в воспитании юношества.

Отождествлять человечество с суммой ныне живущих людей, как это делает космополитизм, не только поверхностно, но и просто-таки невозможно, ибо человечество не исчерпывается своим мгновенным в данный момент существованием...

...Космополитизм видит в нации простую сумму индивидов, лишённых внутреннего единства и чисто механически и временно связанных давлением внешних факторов (географических, экономических, государственных)...

...Для американской системы образования... характерно безудержное стремление вперёд, неустойчивость, заставляющая американцев всегда стремиться к новому, искать новых методов и форм образования. В ней отражается лихорадочная поспешность, с которой строит свою жизнь этот новый, не имеющий исторической традиции и свободный от предрассудков народ пионеров...

Ограниченность национализма, напротив, в том, что он понимает нацию как законченный в себе и готовый народный дух, как независимый от нашего действия факт... Национальное образование есть не столько проявление фактически уже существующей народной души, сколько приобщение народа к культурному преданию, накопленному творческими усилиями всего народа, прежде всего его образованного слоя...

Нация, таким образом, есть не готовая субстанция, неизменное существо которой может быть выражено каким-нибудь одним «принци-

пом». Нация никогда не закончена, но всегда творится. Жизнь нации не простое выявление какого-то готового начала, но непрерывное развитие, сопровождающееся расширением разрешаемых нацией задач... всё новых и новых целей деятельности...

Если для личности отдельного человека справедливо выдвигается идеал гармоничного всестороннего развития, т.е. приобщения её к полноте культурного творчества, то почему коллективная личность народа должна быть заведомо исключена из этой полноты, должна заведомо отказаться от гармонии в пользу односторонней и насильственной гегемонии какой-нибудь одной культурной ценности?..

Создать характер, воспитывать себя — можно только человеческими началами.

Нация есть не готовая и законченная данность, но живой и постепенно осуществляющийся процесс...

Замечательно, что последовательно проведённый национализм так же себя уничтожает, как до конца продуманный индетерменизм приводит, как мы это видели, к отрицанию свободы. В самом деле, отвергая человечество как превышающее нацию начало, рассматривая его как простую отвлечённую сумму частей — наций, национализм оказывается бессильным отграничить нацию и понять её самоё как единое целое. Часть, оторванная от целого, сама распадается на множество между собой не связанных частей. Нация, провозглашённая самодовлеющим и высшим началом бытия, подменяется неизбежно своей собственной частью, притязающей на роль подлинной хранительницы и носительницы национального духа...

В этом раздроблении и измельчании нации как бы продолжается движение распада и раздробления, усвоенное нацией через отрыв её от целостности

человечества. Нация, поставившая себя своей последней целью своего существования, испытывает судьбу личности, «положившей ничто в основу своего Я»: она распадается. Самозванно от имени народа начинают говорить отдельные классы, сословия и меньшинства, которые никогда не представляли народ как целое. И это измельчание нации в национализме приводит к тому, что всё своеобразие нации утрачивается...

Простой подменой терминов русский национализм без всякого труда можно перевести на немецкий, на французский, на турецкий языки. Это всё тот же идеал господства, самодовления, великодержавия, один и тот же дух отвлечённого утверждения своей исключительной ценности, выражающейся большей частью даже сходными терминами...

Усвоить наследие отцов, сохранить его от забвения и разрушения можно, не пассивно его воспринимая, но активно продолжая работу предков, разрешая всё глубже и глубже поставленные ими задачи. Только приумножая культурное достояние предков, можно его сохранить, ибо дела предков живут не в нашей пассивной памяти, но в наших творческих усилиях и достижениях...

Нация, как наследие предков, возможна через человечество, которое как бесконечное задание культуры объединяет все народы. Понятые как предметы нашего действия, как восстановленный долг нашего существования, человечество и нация не только не исключают, но взаимно

проникают друг в друга. Истинный космополитизм и истинный национализм совпадают.

Опасность персональной национальной автономии состоит именно в том, что школьное дело попадает в руки национальных политиков, а не педагогов...

Стремление придать наречию значение литературного языка, допустить общерусский язык к преподаванию в школах лишь в крайнем случае в качестве иностранного языка, провести преподавание на наречии во всех решительно школах, в том числе в высших,

хотя бы для этого, за отсутствием учителей и учебной литературы, пришлось бы до крайности понизить уровень преподавания, ограничить преподавание истории историей одной ветви русского народа, вопреки историческому факту единства русской истории, как это хотели бы сделать некоторые крайние представители украинского и белорусского национализма, — это значит опять внести тенденцию в педагогику, пожертвовать ради миража своей национальности реальными требованиями нравственного образования и научной объективности. Тем самым будет менее всего достигнута желанная цель создания нации, ибо на тенденциозности, механической нарочитости нельзя построить великого дела образования личности народа...

А приобщение к мировой культуре белорусской, да и украинской наций гораздо легче, конечно, будет осуществляться через посредство общерусской культуры и общерусского литературного языка, ныне уже имеющих всеобщее признание как культура и язык мирового значения, охватывающих областные разветвления...

Спорным является лишь вопрос, должно ли происходить всё преподавание непременно на родном языке. Да, если оно может происходить без ущерба для качества преподавания, для той цели, которую ставит себе образование, — цели приобщения учащихся к мировой общечеловеческой культуре. Решительно нет, если преподавание на родном языке способно только, за невыработанностью языка, отсутствия литературы и образованного учительства, понизить качество преподавания и восстановить преграды приобщению учащихся к потоку современной культуры. И здесь основным принципом национального образования остаётся: *образование тогда только подлинно национально, когда оно — хорошее образование.* (Здесь и далее выделено мною. — Е.Я.)

Вовлечение всего народа в образовательный процесс — вот единственное средство уничтожить чисто пассивное отношение

низших слоёв народа к нации и тем самым разбудить их пока ещё дремлющее национальное самосознание.

Возможность взаимодополнения научной и религиозной картины мира в образовательном процессе.

Воспитание — сложный процесс, состоящий из нескольких слоёв, один поверх другого, подобно геологической структуре земной коры. Существуют четыре пласта, или плана человеческого бытия — биологический, социальный, духовно-культурный и благодатный, который определяется как Царство Божие. Соответственно этим названным выше пластам человеческого бытия соответствуют четыре уровня воспитания: как психофизического организма, как общественного индивида, как личности, включённой в культурную традицию, как члена царства духа. Четвёртый пласт, высший, — это план благодатного бытия, в котором воспитание выступает как Спасение, которое осуществляется через любовь к ближнему и любовь к Богу и ведёт человека к личному бессмертию. В этом высшем эсхатологическом смысле образование есть «забота о смерти», забота об идущих на смену поколениях, которым передаётся культурное наследие, живой поток творчества...

Даже каждый искушённый учитель знает, что не объективным предметом самим по себе, но только его личным отношением к предмету достигается в последнем счёте приобщение учащихся к методу науки, искусства, права и хозяйства. Учитель должен прежде всего воздействовать на учащихся как личность, как живая, исполненная любви личность, как водитель юношества...

Дело тут не в программах и формулах, а в том живом духе педагогического водительства, который передаётся от человека к человеку. Религиозный характер такого водительства, основанного на христианской любви к ближнему, на стремлении освободить душу воспитанника от смертоносных начал, очевиден, *несмотря на отсутствие какой-либо конфессиональности...*

И в физическом воспитании просвечивают не только социальные ценности и не только правовые, эстетические и научные, но в последнем счёте и община духов, или «Царство Божие».

В противном случае физическое воспитание вырождается в простую атлетику или военщину или эстетизм, в зависимости от того высшего, наслаивающегося над ним и оформляющего его слоя, который ещё в нём просвечивает...

С этой точки зрения цель нравственности не что иное, как осуществление абсолютной духовной общины, к которой относятся не только все наши ближние, но и в конечном счёте и природа, которая должна быть включена, «снята» в общину духов и тем самым нравственно облагорожена и персонализирована. Это абсолютное одухотворение мира, в котором силы взаимного отталкивания (ненависти) окончательно побеждаются силами духовного притяжения (любви), имел в виду не только Владимир Соловьёв, включая в свою, отличную от кантовской, формулу высшего нравственного закона идею Царства Божия, но даже в сущности уже и сам Кант, связавший, как известно, свою «материальную формулу» нравственного закона с понятием «царства целей» или «царства духов»...

Подлинный воспитатель, воспитатель милостью Божьей, есть тот, кто умеет в нужный момент помочь силам жизни против сил смерти в душе своих воспитанников, освободить их от сковывающих их комплексов и тем самым вывести их из одиночества в живое общение с ближними. Пробуждение внутренних сил жизни, преодоление смертоносных начал, губящих душу человека, выведение человеческой души из одиночества, в котором упорствует обречённая смерти душа, в соединённую узами общих духов, — вот в чём заключается призвание и тайна истинного воспитателя...

Мировоззрение, идеология и пропаганда

Без мировоззрения как жизненного отношения субъекта к мировому целому, отношения, включающего в себя наряду

с представлениями о мире и оценку его с точки зрения ценностей, а значит, и некий жизненный идеал, — без такого мировоззрения нет самосознания, а стало быть, человека как личности...

Задача образования действительно заключается в том, чтобы человек выработал себе мировоззрение, а это означает то же самое, что стать личностью...

Образование есть не что иное, как образование мировоззрения, идущее параллельно с развитием личности. Мировоззрение и личность суть две стороны одного и того же процесса...

Хороший учитель, учитель по призванию, никогда не сможет обойтись без мировоззрения или отрешиться от него, и это тем менее, чем больше представляет он собой самостоятельную личность. Не может он также и привести к молчанию в своей педагогической практике имеющееся у него мировоззрение. Это означало бы для него отказ от своей личности воспитателя. Но если бы он даже попытался это сделать, это мало бы помогло. Окружение ребёнка вне школы всегда уже пропитано каким-нибудь мировоззрением, ребёнок вдыхает в себя эту духовную атмосферу, его окружающую, он «врастает» в то или иное мировоззрение, коренящееся не только в личностях отдельных людей, но как бы в самой исторической эпохе...

Раскрыть смысл такого мировоззрения — это значит привести его как бы в динамическое состояние, сделать его понятным в его проблематике. Учителю совсем не нужно при этом воздерживаться от своего суждения, но нельзя это своё суждение навязывать школьнику: и то и другое только затушевало бы для ребёнка смысл окружающей его духовной атмосферы...

Решающее значение для юношества имеют не теоретические доказательства, взятые сами по себе, но то, как в этих доказа-

тельствах проявляет себя человек, пользующийся ими, как они формируют всё его жизненное поведение.

Если учитель воздерживается от мировоззрения и обнаруживает безразличный нейтралитет в вопросах, которые юношеством ощущаются как вопросы жизни и которые в их глазах являются как бы оселком, к которым они испытывают своих учителей, то учащиеся быстро разочаровываются в личности учителя, что отражается в дурную сторону и на самом преподавании.

На высшей ступени школы преподавание имеет своей задачей не давать только простую сумму сведений, но приобщить учащихся к тому, что можно было бы назвать духом науки, дать им по крайней мере почувствовать позади сведений оживотворяющий их метод научного исследования. Выполняя эту функцию, учитель является живым носителем научного предания, он выступает как личность, должна иметь свои убеждения, а это значит, что так или иначе он является уже представителем определённого мировоззрения, и это даже в том случае, когда предметом его преподавания является естествознание, математика или какой-либо предмет, на первый взгляд далеко отстоящий от всякого «мировоззрения».

Но столь же губительным для процесса образования оказывается и противоположное поведение учителя, когда учитель навязывает учащимся своё мировоззрение как некую готовую идеологию, не подлежащую никакой дискуссии и носящую характер непогрешимой догмы.

Мировоззрение есть самосознание человека, интуиция им последнего основания своего собственного бытия...

Ведь мировоззрение каждый человек избирает себе сам в соответствии со своим характером...

В жарком дыхании ненависти и любоначала мировоззрение, напротив, засыхает

в своей субъективности и частичности от всякой выходящей за его пределы проблематики, застывает в идеологию и обезличивается, выходясь в механическое и абстрактное оружие, в острый меч борьбы. Воля к власти превозмогает в идеологии волю к правде, и мировоззрение затвердевает тогда в неподвижную догму, в своего рода блиндаж, прикрывающий бойца во время сражения...

Идеология есть не что иное, как обезличенное мировоззрение. Образование есть, напротив, процесс формирования личности человека, и обретение человеком мировоззрения есть только обратная сторона этого процесса, оживотворяемого лишь любовью...

Пропаганда есть образование, искажённое в кривом зеркале любоначала и механизма. Она имеет в виду лишь чисто внешнее сплочение масс, ей нет дела до того, чтобы образовать отдельного индивида в активного носителя предания, что, как мы видели, возможно только тогда, когда в процессе передачи участвует свободная личность человека...

Идеология, которой пропаганда пользуется для своей борьбы, подражает статическому замкнутому характеру мировоззрения органической культуры. Но так как она есть только чисто механическое ему подражание, замкнутость его вырождается тут в сознательное исключение всякой чуждой проблематики...

Задача приобщения к традиции подменяется в ней чисто внешней муштрой, лишь бы только сплотить на время массы в боевые колонны. Во всех отношениях пропаганда есть суррогат того, что есть подлинного в жизни духа, продукт эпохи, утратившей своё собственное лицо в погоне за массой и за внешним успехом, как бы подчас она ни отрицала своё происхождение и не кичилась своей любовью к органическому...

Будет бесконечно жаль, коль скоро кому-то из педагогов подходы С.И. Гессена покажутся отвлечённым теоретизированием, не имеющим прямого отношения к живой школьной практике. Какое там! Убедиться в обратном мне было суждено недавно, на просмотре уроков гуманитарного цикла, представленных на конкурс «Учитель года».

Общее тяжёлое ощущение от увиденного связано не с отдельными дефектами в работе добросовестных и искренних учителей, а с неизжитыми родовыми травмами нашего педагогического (если бы только педагогического!) сознания. Общий хаос в головах и смута в сердцах порождают две причудливо переплетающиеся тенденции, свидетельствующие об абберрации духа:

- стремление на свой страх и риск склеить развалившуюся картину мира и немедленно представить свой самодетельный авторский продукт детям как окончательный и непогрешимый;
- и тоску по единственно верной готовой идеологии, которая, наконец, снова поставит всё на свои места и позволит учителю формировать личность ученика по проверенным пропагандистским лекалам.

Для решения первой задачи явно не хватает мускулов культуры. Поэтому в плавильную печь воспитания юношества бросаются щелочные металлы, являющиеся, по слову Гессена, продуктом эпохи, утратившей своё собственное лицо и потому неизбежно отравляющие сознание воспитанников. Вторая тенденция просвечивает через первую в качестве сверхзадачи, которую ставит перед собой учитель. Но обратимся к фактам.

...Урок истории в десятом классе. Элективный курс «Мир славянской мифологии». Перед уроком учитель обосновывает выбор этого курса для десятиклассников. Мотивы, разумеется, патристические. В младших классах дети подробно ознакомились с греческими мифами. Чем хуже наши предания? Сегодня одна из важнейших задач — воспитание патриотизма и возвращение к истокам. «Вот я и ставлю задачу, — говорит учитель, — формирования у своих учащихся магического сознания как основы нашего национального мышления». Что называется, приехали. Великие мировые религии проделали путь

от магизма к единобожию, а мы на заре третьего тысячелетия возвращаемся «к истокам». Иными словами, целенаправленно уходим в язычество. Так мы в полном соответствии со словом Гессена кичимся своей любовью к органическому. Добро, если бы речь шла о серьёзном изучении фольклорного и этнографического материала, об исследовании архаических форм сознания и преодолении их элементов сегодня. Маги и колдуны, делающие бизнес на эксплуатации рудиментов первобытного мышления у наших современников, подталкивают нас к такой педагогической реакции. Так нет, учительница искренне убеждена в том, что она своим курсом «формирует нацию». Ни больше и ни меньше. В качестве исторических источников на уроке используются русские сказки и поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Особенно трогательно выглядит символический анализ «Курочки Рябы». Оказывается, дед и баба вовсе не старики, а прародители мира. Курочка Ряба — это мировая душа. Снесённое ею яйцо — образ мира. Соответственно мышка — олицетворение тёмных разрушительных, низменных сил. Такой вот магический символизм, а по сути дела — карикатура. Но она вызывает тревогу, а не смех. Старшеклассники слушают с интересом, это так ново и необычно! Соответственно учитель ощущает себя неким демиургом, открывающим юношеству сакральные знания. Что с нами происходит?

...На другом уроке обществознания — в центре внимания учителя так называемые «культурные универсалии». Предваряя урок, педагог объясняет, что свою главную педагогическую задачу видит в том, чтобы работать в зоне ближайшего развития ребёнка. А зона ближайшего развития — это, оказывается, то, что интересно ученику. Л.С. Выготский был бы весьма озадачен такой вольной интерпретацией своего учения о зоне ближайшего и актуального развития ребёнка. Но у учительницы своё «авторское» понимание научной теории. Поэтому, поставив во главу угла интерес

ученика, в качестве культурной универсалии изучаются татуировки, которыми люди украшают себя с древности до наших дней. Подростки действительно проявляют заинтересованность. Урок оснащён компьютерной презентацией (куда сегодня без неё?), где широко представлена натальная живопись африканских племён и современных тинейджеров.

Строго говоря, любой артефакт культуры, включая тату, может стать предметом научного анализа. На память немедленно приходят слова знаменитой песни В.С. Высоцкого: «А на левой груди — профиль Сталина, а на правой — Маринка анфас». Вождь, который выколот ближе к сердцу, чем любимая женщина даже у пострадавшего от тирана ээка, — это многое проясняет в психологии людей той эпохи. Другая песня того же автора так и называется: «Татуировка».

«Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколлот твой образ на груди».

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней — попробуй разбери.
У него твой профиль выколлот снаружи,
А у меня душа исколота снутри.

В те эпохи, в тех сообществах, когда культура разоблачается, сбрасывает свои покровы, когда «душа исколота снутри», а картина мира мыслится по Беккету: пустынное небо, каменистая земля и голый человек, распластанный на ней, — из глубин подсознания выползают первобытные формы хранения и передачи информации, в частности с помощью татуировок на теле. Услужливый рынок мгновенно реагирует на спрос, фиксирующий не что иное, как упадок культуры, предлагая свою облегчённую деидеологизированную версию моды на тату. Так или примерно так мог повести разговор с молодыми людьми подготовленный с точки зрения культурологии педагог. Это ведь то самое, что имел в виду С.И. Гессен: «Хороший учитель всегда сумеет обнаружить смысл какого-нибудь старого обычая или даже старого

предрассудка, открывая школьнику те проблемы, которые стоят позади них и разрешению которых они в своё время должны были «служить».

Но ничего подобного на уроке не происходит. В центре презентации на экране — гегелевская спираль, призванная иллюстрировать мысль о том, что всё в культуре повторяется. Такие вот получаются «культурные универсалии», а по сути дела, дурная бесконечность. Поразительно, как, беспрестанно говоря о необходимости формировать у наших учеников ключевые компетенции, мы сами демонстрируем удручающую некомпетентность в решении ключевых вопросов образования. Неосведомлённость рождает убогость мышления, стремление строить доморощенные теории, выдавая их за истину в последней инстанции. Педагогическое оригинальничание приобретает характер эпидемии.

Приведённые уроки, прежде всего, свидетельствуют о мировоззренческом неблагополучии в среде педагогов. Из осколков плохо переваренной психологии и культурологии трудно выстроить целостную картину мира. Английский историк Тен писал о том, что нет ничего страшнее, чем большая мысль в маленькой голове. Между тем все последние годы при подготовке учителей мы были озабочены исключительно вопросами технологий: информационных, здоровьесберегающих и т.п. Забывая при этом, «что без мировоззрения нет самосознания, а стало быть, человека как личности» (С.И. Гессен). Жертвой такого технологического перекося стали учителя, а их заложниками — дети. Положение усугубила мода на элективные курсы. Пришла она к нам из западных университетов, где студенты набирают определённое количество курсов по выбору. Это могут быть и ганзейские ремёсла, и китайские чайные церемонии, и история тату. Бога ради, если взрослые люди в соответствии со своими вкусами и предпочтениями имеют возможность выбрать занятие по душе. Но при чём здесь средняя школа, призванная давать базовое образование? К чему перегружать и без того перенасыщенные учебные планы? Тем более что психологи давно доказали: **одночасовые курсы для развития ребёнка не дают равным счётом ничего.** Ориентируются они ча-

ще всего не на интересы детей, а на вкусовые предпочтения учителей. Так, в пятом классе появляется элективный курс нумизматики (почему не банистики?), а в десятом — мир славянской мифологии. С таким же успехом можно вводить гидропонику или, например, основы индийской философии. Почему нет, если учитель в данный момент увлечён тем или иным сюжетом? И из этих лоскутов мы надеемся сшить одеяло, дабы хоть как-то прикрыть свою мировоззренческую наготу? Получается худо, особенно в старшей школе, где по слову Гессена, «преподавание уже имеет своей задачей не давать только простую сумму сведений, но приобщать учащихся к тому, что можно было бы назвать духом науки, дать им по крайней мере почувствовать оживотворяющий их метод научного исследования». Ожидать, что кто-то многоумный в лице государства или очередной правящей партии подарит тебе готовое мировоззрение — значит, демонстрировать рудименты рабской психологии, путая мировоззрение с идеологией. «Ведь мировоззрение каждый человек избирает себе сам в соответствии со своим характером» (Гессен). **Но выбор его происходит не на пустом месте, а на фундаменте культуры.**

Таков, на мой взгляд, главный педагогический урок XX века, о котором ведёт с нами разговор замечательный философ и педагог русского зарубежья.

Но и этот главный урок, как и остальные, мы усвоили на популярную в недавнем прошлом оценку: «три пишем, два — в уме»... ▣